

сколько борьба за «новую Россию», в которую включилась и Япония после Февральской революции.

В заключение можно сказать, что японская военная помощь России во время первой мировой войны объяснялась прежде всего относительной слабостью «страны Восходящего Солнца» в мировой политике, финансовыми затруднениями и амбициями ее торгово-промышленных кругов, а также желанием руководства Японии заручиться дальнейшей поддержкой России в своей дальневосточной политике. По мере «насыщения» Японии российскими военными заказами и ухудшения положения России двустороннее сотрудничество становилось все более вялым.

Роль внешних факторов в процессе реформирования государства и общества Японии

К. В. Белов

В настоящей статье анализируются место и роль внешнего фактора в процессе развития японского государства и общества. Рассматривается влияние внешних факторов на Японию в исторической перспективе, а также показывается их решающая роль в процессе трансформации страны. Иными словами, в исторической перспективе в первую очередь именно внешние силы предопределяли выбор того или иного пути развития нации.

Таким образом, целью настоящей работы является попытка на историческом материале обосновать ведущую роль феномена *гайацу* в становлении и развитии японского общества и государства в целом.

В японском языке словосочетание «*гайацу*» имеет значение «внешнее давление» и состоит из слов «*гай*» – «внешний, иностранный» и «*ацу*» – «нажим, давление». Это понятие является объектом изучения представителей различных направлений науки, от экономики до политологии.

Влияние феномена *гайацу* на вектор развития страны может быть обнаружено в любой исторический промежуток. Вместе с тем, в большинстве случаев такое влияние имело не просто важное, но решающее (при сравнении с внутренними источниками давления) значение: практически все системные реформы и структурные изменения, происходившие когда-либо в Японии, в той или иной степени реализовывались под влиянием фактора иностранного давления, участия «извне».

Феномен внешнего давления принято понимать в качестве одной из наиболее характерных черт национальной культуры японцев, часто сводимой к зависимости внутреннего развития Японии от влияния на страну независимых от нее обстоятельств. Однако в данном случае мы отходим от рассмотрения *гайацу* в качестве подобной «уникальной» черты развития Японии¹. Согласно нашей концепции, случаи влияния факторов внешнего давления на внутрияпонские общественно-политические процессы различного характера имеют рациональную основу и поэтому должны рассматриваться как проявления осознанного курса элит, контролирующих меры воздействия внешнего влияния на общество и государство.

¹ Например, см. попытку отследить связь между структурой политической культуры современного японского общества и воздействием на него *гайацу*: Katzenstein P. J. Cultural Norms and National Security: Police and Military in Postwar Japan. Ithaca: Cornell University Press, 1996, p. 37–38.

В отечественной науке есть работы, рассматривающие и анализирующие роль внешних факторов в истории Японии. Среди них – знаковый для 1990-х годов сборник статей «Японский феномен». В разделе «Японский тип государства», касающегося основополагающей роли, которую в рамках политической истории Японии занимает *гайацу*, указывается следующее: «Внешних потрясений, которые привели к серьезным сдвигам в государственности и политическом процессе, можно насчитать как минимум четыре»². Это – проникновение буддизма в VI–VIII вв., западных идей в страну в XV в., изменения периода реставрации Мэйдзи середины XIX в., реформы, последовавшие за поражением Японии во второй мировой войне и последующей оккупацией Японских островов.

Также в этой связи необходимо выделить статью А. Н. Мещерякова «Внешний фактор в истории культуры Японии»³, а также монографию отечественного востоковеда С. В. Чугрова «Япония в поисках новой идентичности»⁴, в которой автор утверждает, что «в различные периоды своей истории японцы, по меньшей мере, трижды оказывались перед... импульсами, волнами, толкающими к современности... И каждый раз это происходило в периоды интернационализации, которые сопровождались давлением “чужих” ценностных систем на традиционные нормативные системы японцев...»⁵.

Помимо этого, отметим подход А. И. Шейнфельда, используемый в диссертации «Политическая модернизация в Японии: традиционные механизмы реализации». Автор делает удачную попытку рассмотреть имевшие место в стране перемены путем их встраивания в рамки теории «Вызова-и-Ответа» А. Дж. Тойнби, смысл которой состоит в том, что любой «вызов», брошенный обществу со стороны соседей или просто исторических условий стимулирует в нем поиски «ответа», т. е. процессы, направленные на усложнение и совершенствование его внутренней структуры⁶.

Понимание характера политической культуры, а также содержания социально-политических процессов Японии, используя анализ феномена *гайацу*, позволяет обнаружить высокую степень зависимости внутреннего политического курса от внешних по отношению к Японии сил, регулярное обращение к иностранным источникам для разрешения существующих в обществе проблем.

Однако нельзя утверждать, что данное явление имеет однозначно культурологический характер. Речь идет о трактовке феномена *гайацу* как одного из проявлений «уникальности» японской нации (наиболее

полно неправомерность подобного подхода показана в работах М. Н. Корнилова⁷ и В. М. Алпатова⁸). Вернее будет указать на особенности политико-географического положения Японского архипелага, обусловившие вектор становления и развития проживающей в их условиях японской нации. Иными словами, в случае стремления добиться тех же целей и задач, стоявших перед японским обществом, любое другое явление, будучи поставлено в аналогичные условия, пошло бы по схожему пути.

В историческом приближении говорить о проявлениях феномена *гайацу* применительно к Японии возможно, начиная с формирования ранней японской государственности в VI–VII вв. Отсутствие обособленной правящей элиты вплоть до этого периода не способствовало стремлению к консервации системы сложившихся общественно-политических отношений, ибо преодоление их было бы невозможно лишь усилиями внутри страны. Для понимания характера и способов проявления *гайацу* в истории страны обратимся к конкретным историческим примерам.

Одновременно с началом формирования праяпонской нации, ее представители приступили к постепенному оттеснению на север исконных обитателей Японских островов – народа айнов, благодаря чему им удалось захватить территории, на которых в дальнейшем была сформирована японская государственность.

Параллельно с ведением войны за территорию, в то же самое время праяпонцы активно заимствовали многое из элементов культуры айнов. В частности, велика вероятность того, что сам символ Страны восходящего солнца – белый флаг с красным кругом в центре – является непосредственным заимствованием из культуры айнов. Прообразы сакральных символов императорской власти в Японии (меч, зеркало и яшмовая печать) также обнаруживаются в культуре айнского народа задолго до того, как они были признаны священными артефактами у японцев⁹.

Проявившийся на данном примере и широко известный в настоящее время процесс заимствования японцами духовных и материальных ценностей из других культур, зародившийся одновременно с японской нацией, носит название «иитоко-дори»¹⁰. Иитоко-дори является культурным

⁷ Корнилов М. Н. О типологии японской культуры (японская культура в теориях «Нихондзин рон» и «Нихон бунка рон»). – Япония: культура и общество в эпоху НТР. М., Наука, 1985, с. 36–58.

⁸ Алпатов В. М. Япония: язык и культура. Глава «Японский национализм и картины мира». М., Наука, 2008, с. 43–60.

⁹ Более подробно вопросы заимствований японцами из культуры айнов рассматриваются в диссертации Соколова А. М. – Материальная культура айнов (XIII–XIX вв.): историко-этнографическое исследование. Диссертация кандидата исторических наук. СПб., 2007, РГБ ОД, 61 07–7/238.

¹⁰ Подробнее о традиции иитоко-дори см.: Япония – как ее понять. Очерки современной японской культуры. Под. ред. Дж. Дэвиса, Осаму Икэно. М., АСТ–Астрель, 2006, с. 137–144.

² Японский феномен, М., 1996, с. 41–42.

³ Мещеряков А. Н. Внешний фактор в истории культуры Японии. – Азия – диалог цивилизаций. СПб., Гиперион, 1996.

⁴ Чугров С. В. Япония в поисках новой идентичности. – Восточная литература, 2010, с. 18.

⁵ Там же.

⁶ Шейнфельд А. И. Политическая модернизация в Японии: традиционные механизмы реализации. Автореферат. Нижний Новгород, 2007. РГБД ОД, 61:07–23/238.

феноменом, свойственным исключительно японской нации. Под этим термином также часто понимается процесс включения в сферу интересов японской нации тех или иных изначально чужеродных для нее областей – «процесс селекции необходимых западных культурных ценностей и их использование для последующей трансформации общественных отношений»¹¹.

Феномен *гайацу* часто воспринимается как составная часть иитокодори, что является искажением по той причине, что первый обладает универсальным характером, будучи зависим от геополитических, экономических, исторических и иных условий, в которых пребывает страна (не обязательно Япония), тогда как второй является порождением культурных особенностей японской нации.

В отличие от иитокодори, *гайацу* является внешним давлением на все сферы общественно-политических отношений внутри Японии и не зависит от культурной атрибуции проживающих в стране людей. Однако по причине относительного подобия, понимание двух терминов часто искажается, а их смысл обобщается.

Для рассмотрения факторов влияния *гайацу* обратимся к периоду формирования на Японских островах первичной государственности, когда впервые были сформулированы основные принципы, обеспечившие инерционный (в терминах политической модернизации) путь государственного развития последующих столетий. В отечественной науке этот факт понимается как зарождение в тот исторический период «японской эпистемы развития... фактически постулирующей прежде всего преемственность и не предусматривающей возможностей для революционных преобразований и разрыва времен»¹².

Проявлением внешнего давления той эпохи стало привнесение на территорию страны религий, в дальнейшем используемых правящими кругами для обеспечения легитимизации собственной власти в глазах населения путем ее сакрализации. Религиозным учением, призванным исполнять данную функцию, изначально являлся буддизм, но в дальнейшем к нему были добавлены идеи джусианства и неоконфуцианства¹³.

Появление необходимости в импортировании с материка новых религиозных учений было обусловлено тем, что исконно японская религия синто, существующая с догосударственной эпохи, не вбирала в себя принципов, способных облегчить консолидацию власти в руках но-

вых правящих кругов. На тот исторический момент синто не способствовало укреплению институтов молодого японского государства, а также созданию легитимных оснований власти правящих кругов¹⁴.

В литературе процесс восприятия религиозно-культурных заимствований получил наименование «первой волны» внешнего влияния на страну, датируемой VI–VIII вв. и понимаемой как «призванную обеспечить цементирование складывающегося государства»¹⁵.

Для успешного развития молодому японскому государству требовались новые типы легитимной поддержки, основанной на новых способах организации общественно-политических отношений. Однако в этом процессе непросто выделить какую-либо культурную специфику: за неимением внутренних ресурсов, правящая элита Японии закономерно устремляла свои интересы во внешний мир. Более того, в данной ситуации уместна аналогия с событиями отечественной истории, имевшими место в ту же историческую эпоху. Так, христианизация Руси (а также предшествовавшие ей попытки реформ языческого культа) преследовала аналогичные цели и задачи, что и импорт материковых религий на территорию Японских островов, что проявилось в принципиально схожем характере генезиса и динамики процессов внедрения новых религиозных учений.

Рост влияния института императорской власти, достигнутый путем импорта идейно-философских компонент новых религий, явился первым значимым проявлением влияния *гайацу*, вместе с тем, заложившим основания для последующей эпохи стабильности, в рамках которой не осталось места для структурных изменений. Политическая система пользовалась поддержкой со стороны населения, а фактору неразрывности протекающих в стране процессов отводилась особая роль.

Это стало возможным по причине того, что в характеризующийся этими свойствами период прямого правления императорского двора, давление «извне» на Японию практически отсутствовало. В связи с этим, структурные реформы не осуществлялись, а все усилия государства были направлены на поддержание стабильности, выгодной аристократической элите, находящейся у власти на тот момент.

Причины длительности периода относительного затишья в истории страны, растянувшегося на несколько столетий, могут быть обнаружены в предшествующем им *гайацу*, заключавшемся в кратком периоде активных действий молодого государства на международной арене.

¹¹ Мирча А. В. Трансформация гендерных отношений в условиях культурной глобализации: социально-философский анализ. – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Новосибирск, 2011.

¹² Мецераков А. Н. Внешний фактор в истории культуры Японии. – Азия – диалог цивилизаций, СПб, Гиперион, 1996, с. 34.

¹³ Распространившиеся в Японии идеи джусианства и неоконфуцианства принято обобщенно понимать как идеи конфуцианства, в действительности значимо отличных от идей конфуцианства, изначально получивших распространение в Китае.

¹⁴ Более того, синто разобщал формирующуюся нацию по причине наличия собственного пантеона богов-покровителей в границах отдельных регионов, что способствовало поддержанию микросообществ и дезинтеграции в целом. В период же реставрации Мэйдзи роль синто была иной: путем создания культа «государственного синто» был поднят престиж императорской власти в глазах японцев.

¹⁵ Мецераков А. Н. Внешний фактор в истории культуры Японии. – Азия – диалог цивилизаций, СПб, Гиперион, 1996, с. 47.

Именно крупные поражения на суше и на море японских войск, посылаемых для ведения боевых действий с корейским государством Силла в VI–VII вв. и, как итог, проигранная война, обусловили «отказ от проведения активной внешней политики и начала энергичного обустройства внутренней жизни»¹⁶ со стороны Японии на протяжении последующих столетий, в результате чего «этот конфликт оказался даже полезен Японии, значительно ускорив проведение реформ, необходимых для укрепления страны»¹⁷.

Началом проведения политики консервации режима, нацеленной на поддержание авторитета существующей власти, а также предотвращения возможного вмешательства извне, которое могло негативно сказаться на политической обстановке внутри страны, стала вторая половина IX в. К этому периоду устройство нового общества было окончательно сформировано, а власть элит окрепла, что побудило аристократическую верхушку начать проведение курса на самоизоляцию страны.

Первым шагом на этом пути стало снижение числа въезжающих и выезжающих из страны путешественников. Постепенно их общая численность упала до нескольких десятков в год. Следующим шагом стало прекращение исторически сложившейся практики отправления посольств в Китай (в 838 г. туда была послана последняя миссия). С конца X в. в качестве венца «мирной» политики власти ввели прямой запрет на контакты с внешним миром. С этого момента «начинается период добровольной самоизоляции»¹⁸ государства.

В качестве подтверждения существовавших ограничений на контакты с внешним миром можно указать на происходившее в тот период изменение японских письменных источников, в которых стал отчетливо проявляться мотив боязни всего «внешнего» и «чужого», способного разрушить устоявшийся порядок. Вот почему «герметизация правящего класса (поддерживаемая системой сакральных генеалогий), его абсолютная стабильность приводят к тому, что государство (двор) теряет интерес к историческим формам самопознания: устоявшиеся социальные жизнеформы вполне устраивали его, ... /а/ стабильное настоящее, считавшееся проекцией далекого прошлого, не давало повода к новым трактовкам истории...»¹⁹. В данной ситуации проявилось острое стремление правящей элиты заморозить сложившиеся установки на уровне не только идеологии, но и самой истории.

Таким образом, окончание периода ранней японской государственности характеризовалось самоизоляцией страны от внешней среды и

¹⁶ Там же, с. 32.

¹⁷ Гаджиева Е. А. Страна восходящего солнца. История и культура Японии. Ростов-на-Дону. Феникс, 2006, с. 67.

¹⁸ Мещеряков А. Н. Внешний фактор в истории культуры Японии. – Азия – диалог цивилизаций, СПб, Гиперион, 1996, с. 40.

¹⁹ Там же, с. 32.

присущего внешнему миру потенциала к социально-политическим трансформациям, который стал расцениваться закрепившимися у власти элитами как избыточный и даже опасный.

Период с X в. до окончательной концентрации власти в руках милитаристской элиты под началом сёгунов кланов Минамото и Асикага характеризовался тенденцией постепенного перехода властных полномочий от аристократической элиты к элите военной, представленной самурайским сословием. Частично этот процесс был обусловлен внутрияпонскими процессами, однако основной причиной концентрации власти в руках военного сословия стал мощнейший внешний толчок, изменивший вектор дальнейшего развития страны.

В период прямого императорского правления Япония не нуждалась в сильной армии, так как вооруженные столкновения между различными кланами внутри страны носили локальный характер, племена айнов по причине своей малочисленности и оттеснения на север реальной угрозы не представляли, а внешних угроз Япония благополучно избегала. Массовые волнения (в особенности при сравнении с положением находящегося по соседству Китая) в стране также практически отсутствовали.

Появление реальной опасности монгольского завоевания, в свете не увенчавшихся успехом попыток вторжения в 1274 и 1281 гг., резко ускорило процесс смены элит, причиной чего стали, в том числе, многолетние приготовления к отражению монгольских вторжений, обусловивших возникновение системного кризиса в Японии. Поражения японских армий в схватках против экспедиционных войск монголов на юге Кюсю показали необходимость повысить боеспособность войск до уровня, когда они будут способны физически защитить государство от вторжений извне. Политика самоизоляции не давала ответа на вопрос, как этого достичь, откуда следовала необходимость ее видоизменения.

Итогом этого явился полудобровольный переход власти от аристократических кругов во главе с императорским двором к самурайскому сословию, возглавляемому сёгуном. Проводивший милитаристскую политику новый режим был более приспособлен к отражению внешних угроз, что и требовалось в сложившейся ситуации.

Новая правящая элита страны была вынуждена опираться на иные легитимные основания своей власти в обществе. В поиске путей индоктринации населения с целью признания своего главенства, самурайство, за неимением альтернатив, было вынуждено обратиться к внешнему миру, контакты с которым практически не поддерживались на протяжении нескольких сотен лет. «Переход властных функций к самурайству потребовал от него усилий по культурной самоидентификации. Поскольку культурная легитимность не могла быть обеспечена за счет генеалогического кода, то для достижения этой цели самурайство в это переходное время обратилось к Китаю...»²⁰.

²⁰ Там же, с. 42.

Военной элите требовались новые способы утверждения власти в глазах населения, но по причине того, что в рамках традиционной политической культуры они отсутствовали, обращение к внешним источникам (по большей части, китайским) было единственно возможным решением.

Именно этим могут быть объяснены причины широкого распространения идей дзен-буддизма, философии джусианства, а также неоконфуцианства²¹, последовавшие за консолидацией власти в руках самурайства. Благодаря выборочной адаптации идей, составляющих указанные учения (предпочтение отдавалось идеям, обосновывающим необходимость почитания властей, непротивление, принятие властей и мира такими, каковы они есть, и т. п.), самурайскому сословию удалось сформировать в глазах населения страны легитимную базу своей власти. Главным итогом такой политики явилось создание основ для дальнейшего доминирования военного сословия на протяжении последующих столетий.

Следующее значимое в плане трансформации внутренней политической парадигмы развития страны явление – период междоусобиц XVI в., известный как *сэнгоку дзидай* – «Эпоха воюющих государств», также во многом обусловлена изменениями, происходившими в Японии после сильного и целенаправленного влияния на страну извне.

Так, первые появившиеся на Японских островах европейцы принесли с собой не только новую религию (христианство), но и новые знания, технологии, в том числе, военные, так интересовавшие японцев. Благодаря новому вооружению и европейским способам ведения боя, а также лучшим подходом к стратегии и тактике, заимствованным некоторыми представителями военной элиты у иностранцев, уже в скором времени Япония была консолидирована под властью единого правителя, сумевшего извлечь наибольшую выгоду из присутствия первых европейцев на территории Японских островов²².

Вместе с тем, вероятность того, что в случае отсутствия возможности использования европейских технологий, гражданская война в Японии затянулась бы на неопределенно долгий срок, была крайне высока, так как объективных предпосылок для ее прекращения не имелось. Таким

²¹ Важно отметить, что неоконфуцианство, признанное при Токугава в качестве официального государственного учения, до того момента имело более чем ограниченное число последователей в стране. Таким образом, его выбор со стороны сёгуната, оценившего потенциал содержащихся в нем идей по достоинству, был осознанным. Путем обращения к содержанию идей неоконфуцианства в дальнейшем Токугава поддерживали стабильность и порядок в обществе, а также пресекали попытки зарождения контрэлита.

²² Речь идет о знаменитых объединителях Японии: Нобунага, Хидэёси, Токугава. В большей мере они сумели добиться исковой цели благодаря обращению к европейским технологиям и применению прогрессивных идей в регулировании общественного устройства и контролю над ресурсами, которые были привнесены первыми европейцами.

образом, обращение к *гайяцу* было единственным реальным выходом из сложившейся ситуации, чтобы не допустить дальнейшей эскалации противостояния, разрухи военного времени и окончательного упадка.

Клан Токугава, в конечном итоге вышедший победителем из эпохи нескончаемых войн, во многом благодаря личным качествам своего лидера – Иэясу Токугава, а также его проницательности, проявившейся в понимании возможностей, которые предоставлял факт присутствия в стране европейцев, видел не только важность, но также осознавал все те же опасности, таящиеся в «заигрывании» с внешним миром, что и предыдущие поколения правящих элит. По этой причине после консолидации власти в своих руках, клан Токугава изменил свое отношение к иностранцам и всему иностранному, в связи с очевидными рисками для представителей клана.

Таким образом, Токугава Иэясу начал, а его сын и следующий сёгун Японии Токугава Хидэтада продолжил реализовывать целенаправленный набор мер, призванных максимально ограничить связь Японии с внешним миром. Целью политики самоизоляции, в японском языке именуемой «*сакоку*»²³, была попытка избежать нежелательных для клана системных изменений в политической системе. Токугава понимали, что катализатор любых возможных изменений лежит не внутри, а исключительно вовне страны.

Путем ликвидации всех следов присутствия европейцев, насильственного изгнания с Японских островов христианства, а также постановления под жесткий контроль всех контактов с внешним миром, род Токугава удерживал в своих руках власть на протяжении последующих 250 лет.

В связи с целенаправленным проведением политики *сакоку*, следующее проявление *гайяцу* стало возможным лишь в середине XIX в. и было обусловлено независимыми от Японии обстоятельствами. Открытие страны «черными кораблями» ВМС США под предводительством commodora Мэтью Пери за несколько лет до начала событий, известных как реставрация Мэйдзи, обусловило неизбежность дальнейших глубинных и системных изменений, послужив *гайяцу*, в очередной раз изменившим вектор развития Японии.

Восстановление в результате реставрации Мэйдзи прямого правления императорского дома необходимо рассматривать с двух позиций. Так, любые изменения политической сферы Японии проходят в соответствии с национальными традициями и политической культурой нации. На примере реставрации Мэйдзи это проявилось в том, что реформы проводились под лозунгами восстановления стабильности, ассоциируемой с прошлым, и утраченной после открытия Японии для иностранцев из-за «ошибочной» политики сёгуната. Нельзя не согласиться, что «в постановке и достижении модернизаторских целей общенацио-

²³ Чугров С. В. Япония в поисках новой идентичности, с. 26.

нальным интегратором выступали традиционные ценности..., т. е. восстановление «изначального» порядка вещей, который ассоциировался со «справедливостью». Реформаторы... таким образом облакали себя в одежды фундаменталистов, что отвечало устоям национального характера японцев»²⁴.

Таким образом, реформация Мэйдзи являлась проявлением национальных особенностей японского народа, однако, по нашему мнению, не этот фактор являлся решающим при выборе сценария, на тот исторический момент реализовывавшегося в Японии.

В частности, активное развитие событий в тот период стало возможным благодаря тому, что территориальные владения кланов Сацума и Тёсю, явившихся непосредственными инициаторами восстания, были расположены на острове Кюсю, располагаясь в непосредственной близости от портового города Нагасаки, наделенного эксклюзивным правом на торговлю с иностранцами. Это позволило представителям кланов различными путями ввезти в страну наиболее современное зарубежное вооружение, по своей эффективности в разы превышавшее оружие, находившееся в руках правительственных армий. Во многом именно это обусловило успехи при ведении боевых действий повстанцев с защитниками режима Токугава. Более того, в отсутствие данного преимущества, обусловленного близкими контактами с иностранцами, маловероятно, что кланы Сацума и Тёсю решились бы выступить против многократно превышающих их по численности правительственных войск.

Вот почему одной из важнейших причин возможности проведения самой реставрации Мэйдзи нам представляется тот факт, что этому предшествовало начало политики «открытия» Японии миру, явившейся причиной нового витка влияния *гайацу*, лавинообразно повлекшего за собой последующие перемены. В результате падение режима Токугава бакуфу стало неизбежным. Осознание своего реального положения на международной арене и накопившейся за период самоизоляции отсталости, а также социальная напряженность и экономические диспропорции, почти одновременно обрушившиеся на Японию, не могли не привести к глубочайшим переменам, наступление которых искусственно задерживалось в течение предшествующих 250 лет. Тем самым и здесь «ключевым мотивом модернизации был, скорее, внешний, нежели внутренний кризис»²⁵.

Благодаря достигнутым успехам Японии удалось избежать участи превращения в одну из многочисленных европейских колоний, печальный пример чему – Филиппины. Однако навязывание стране неравноправных договоров (так называемых «Ансэйских договоров», т. е. договоров эпохи Ансэй – 1854–1859 гг.), в которых напрямую указыва-

лось приниженное положение Японии, вызвало у новой элиты страны желание как можно скорее выйти из под влияния этих договоров.

С этой целью в качестве официальной государственной политики был выбран модернизационный путь развития экономики, армии, флота, а также выстраивания политической системы по западному образцу. Такая политика позволила Японии в течение нескольких десятилетий совершить гигантский скачок и стать первой незападной страной, вошедшей в клуб мировых держав. Основопологающей причиной этого скачка являлась необходимость соответствовать требованиям, нашедшим наиболее отчетливое отражение в тексте «Ансэйских договоров».

Вслед за ростом влияния страны на международной арене к концу XIX в. и постепенным прекращением действия неравноправных договоров, стремительно возрастала степень влияния внешних факторов на сферу японской политики, что проявилось в еще большем усилении роли *гайацу*, сказывавшемся при формировании уже не только внутренней, но и всей внешней политики государства. Принимая те или иные решения, Япония отныне руководствовалась не столько собственными интересами, сколько результатами, ожидаемыми от этой политики.

Вхождение и дальнейшее нахождение в списке ведущих мировых держав требовало от Японии непосредственного встраивания в систему империалистических отношений (что стоило ей нескольких войн: с Китаем, Кореей и Россией), причины чего могут быть также отслежены через осуществляемое на страну давления извне.

Необходимость усиления роли армии и флота, порожденная возросшим числом внешних угроз и характером существующих рисков, уже в скором времени обернулась ускоренной милитаризацией государства. Как следствие, возросло влияние элит, видевших Японию развивающейся по пути наращивания военной мощи, что, вкупе с присущими японцам максималистскими установками²⁶, предопределило ход дальнейшей военизации, продолжавшейся непрерывно, вплоть до поражения страны во второй мировой войне.

В свою очередь, демократизация политической системы Японии путем принятия конституции, введения института выборов, разрешения деятельности политических партий и других нововведений периода Мэйдзи также может быть отнесена к результатам воздействия *гайацу*, так как со стороны населения (за исключением небольшой части его политизированных представителей) социально-политического заказа на изменения подобного рода не существовало. Более того, осуществляемый курс на демократизацию и либерализацию базировался на осознании того, что на тот момент любое относящее себя к ведущим

²⁴ Мецгеряков А. Н. Внешний фактор в истории культуры Японии, с. 49.

²⁵ Чугров С. В. Япония в поисках новой идентичности, с. 36.

²⁶ Речь идет о феномене «гамбари» – присущей японскому обществу черте, когда его члены стараются любой ценой максимально преуспеть в том деле, которое они считают «своим». Подробнее см.: Япония – как ее понять... М., 2006. с. 73–86.

мировым державам государство должно было обладать политическим устройством европейского типа. Вот почему публичная политика в Японии того периода носила исключительно поверхностный характер, что послужило причиной ее относительно легкой капитуляции в 1930-х годах, так как ее сущность (в том числе в период так называемой «демократии Тайсё») была продиктована лишь ответом на запрос «извне».

Основной причиной перехода к открытой милитаризации в 1930-х годах также являлись внешние для страны факторы. На тот момент Япония искала союзников, что должно было способствовать поддержанию темпов военной экспансии и последующему сохранению захваченных территорий. Тот факт, что выбор пал на лагерь во главе с Германией и Италией, был во многом обусловлен тем, что адаптация внутренней политической системы страны к системам блока новых союзников казалась японской правящей элите наиболее безболезненной, учитывая высокую степень их соответствия. Переход японской экономики на военные рельсы, создание «новых» *дзайбацу*²⁷, обслуживающих нужды милитаристского правительства²⁸, успешная индоктринация населения путем перенесения некоторых доктрин нацизма на японскую почву²⁹ и другие изменения подобного рода позволили Японии органично влиться в новый союз. И все же процессы милитаризации 1930-х годов не были естественным шагом и осуществлялись в связи с необходимостью получения внешней поддержки путем адаптации страны под существующий *гайацу*.

Поражение во второй мировой войне принесло с собой самую сильную зависимость от внешнего мира, которую Япония когда-либо знала. Впервые происходящие в обществе изменения диктовались напрямую «извне», не являясь результатом переработки властями чужеродного материала, из которого выбиралось лишь ими одобренное.

Прямой конституциональный запрет на наличие вооруженных сил и милитаризацию, внедрение новых демократических институтов, ликвидация полуфеодальных принципов государственного устройства, сохранившихся с домэйдзийской эпохи, десакрализация императорского престола, системное изменение законодательства, перестройка социального

²⁷ «Дзайбацу» – крупный финансово-промышленный холдинг в предвоенной Японии, как правило, формирующийся вокруг общей и единой для всего холдинга финансовой структуры.

²⁸ Созданные на волне военных успехов начала XX в., новые *дзайбацу* Японии отличались от традиционных, в том числе, и тем, что были целиком ориентированы на обслуживание военных потребностей милитаристского правительства, что в дальнейшем послужило основной причиной их полного запрета и роспуска по итогам второй мировой войны.

²⁹ Более подробно данный вопрос рассмотрен в работах Маруяма Масао – японского автора, доказавшего наличие связи идейных оснований режима предвоенной милитаристской Японии с идеями европейского фашизма и национализма. Например см.: *Maruyama M. The Ideology and Dynamics of Japanese Fascism.* // Ivan Morris, ed., *Thought and Behavior in Modern Japanese Politics.* Oxford, 1963, p. 25-83.

устройства и многие другие реформы послевоенного периода представляли собой кардинальную перемену в векторе развития Японии, а также начало новой модернизационной волны³⁰. В результате роль *гайацу* в рамках понимания существующего тренда серьезно возросла, оторвавшись от изначально политического содержания. Отныне *гайацу* являлся движущей силой перемен уже не только в общественно-политической, но и в экономической, научной, культурной и многих других сферах.

Наиболее широко в литературе освещен вопрос экономического *гайацу*, так как для послевоенной Японии именно экономика стала основным «полем битвы» за превосходство с остальными странами. Однако сама подобная возможность проводить собственную финансово-экономическую политику, которую страна получила после поражения во второй мировой войне, являлась результатом компромисса в других сферах, и в первую очередь, в политической, что подтверждается продолжающимся по сей день следованием Японии в фарватере внешнеполитической линии США, за что ее нередко именуют «51-м штатом США»³¹.

Однако в условиях биполярного мира зависимость внешнеполитического курса от решений других стран была довольно распространенным явлением. Тем не менее, говорить по этой причине об уникальном характере сложившейся в случае Японии ситуации, заключающейся лишь в сохранении привязки к политическому курсу США в более поздний период, нельзя.

Однако, широко проявляясь во внешней политике, зависимость Японии от американского влияния затронула также и сферу отношений внутри общества, что уже нельзя отнести к стандартной модели реакции на вызовы окружающего мира, и поэтому может быть охарактеризовано как оказание «сверх» *гайацу* на Японию.

Подтверждением усиления влияния *гайацу* на Японию во второй половине XX в., в особенности в сфере общественных отношений, служит тот факт, что подавляющее большинство социально-значимых изменений послевоенного периода было связано с дестабилизирующим систему (как в отрицательном, так и в положительном смысле) влиянием извне.

Доказательство этого тезиса обнаруживается путем анализа основных общественных движений, являвшихся важной составляющей послевоенного японского общества, тогда как консолидирующим фактором, вне зависимости от формы их организации, а также идейного наполнения деятельности, явились нормы и ценности, привнесенные в Японию извне.

³⁰ Подробнее о демократических принципах послевоенной политической системы см.: *Еремин В. Н. Политическая система современного японского общества.* М., Наука, 1992, с. 140–142.

³¹ How Hatoyama will alter U.S. relations still unclear. – Japan Times. 26.09.2009.

Так, инициатором массовых волнений 1950-х годов выступали прогрессистские партии, идеология которых заключалась в продвижении коммунистических и социалистических ценностей – исторически чуждых японскому обществу. Будучи созданы еще в XIX в., реальное влияние на политическую жизнь Японии они начали оказывать лишь в послевоенный период.

В период антивоенного движения, развернувшегося в Японии в 1960-х годах, причиной вовлеченности в события тех лет всех слоев общества стала агрессия США во Вьетнаме, грозившая Японии непосредственным вовлечением в вооруженный конфликт, а также многими иными негативными последствиями.

Подъем движения в защиту окружающей среды в 1970-е годы также был обусловлен внешними факторами. Перевод экономики страны на экспортные рельсы вызвал, помимо ее резкого экономического подъема, также и сильнейшее загрязнение окружающей среды, которое Япония когда-либо знала³². Ответом на это внешнеэкономическое *gaijacy* стало формирование движения в защиту окружающей среды, большая часть деятельности которого осуществляется иностранными общественными организациями, зарегистрированными в Японии.

Последнее значимое изменение в социально-политическом устройстве Японии, произошедшее в последние годы и именуемое в отечественной литературе «третьей интернационализацией»³³, также не могло быть реализовано без участия внешних сил. Проявлением этого является построение в стране полноценного гражданского общества в кратчайшие сроки. Поэтому, когда мы говорим о резком росте влияния третьего сектора в японском обществе, необходимо понимать наличие связи с существующим *gaijacy*: «Без нажима извне идея включения и формирования партнерства (японского государства) с крошечными международными НГО, организованными гражданами, не могла быть столь очевидной, как это имело место. В особенности, подъем международного интереса к роли международных НГО... обусловил давление на японское правительство с целью заставить его пересмотреть собственные отношения с обществом и, так или иначе, показать, что Япония также располагает деятельным сектором международных НГО»³⁴.

Подводя итоги настоящей статьи, скажем, что нами был представлен тезис о том, что роль внешнего влияния на Японию является одним из основных факторов, удерживающих страну на острие прогресса. Сегодня, как и раньше, любой внешний толчок способен вызвать необратимые

изменения в ее устройстве. Именно этим, отчасти, можно объяснить отсутствие модернизации политических и общественных институтов сверх необходимого уровня, минимально удовлетворяющего *gaijacy*, оказываемого на Японию мировым сообществом. Это нашло свое отражение во второй половине XX в. в модернизации через либерализацию японской экономики, последовательную демократизацию политических отношений и придание протекающим в стране процессам соответствующей степени транспарентности.

Резюмируя, приведем цитату российского исследователя А. Н. Мещерякова, наиболее полно и точно передавшего смысл и содержание рассмотренной нами темы в утверждении, что для Японии «внешний мир выступал в качестве детонатора реформ, изменений, которые не могли быть обеспечены исключительно напряжением внутренних сил, поскольку те ценности, с которыми японцы идентифицировали себя, обеспечивали, прежде всего, не динамизм, а консервацию уже существующего»³⁵. Подчеркнем, что правдоподобность данного тезиса была не раз подтверждена за прошедшие столетия, но вместе с тем и сегодня можно говорить о соответствии его непреходящей актуальности.

Таким образом, курс, выбираемый на любом этапе развития Японии, несмотря на кажущуюся неординарность и даже непонятность, был каждый раз обоснован и продуманно рационален, что не может быть расценено иначе, кроме как историческая целесообразность. Согласно позиции С.В. Чугрова, «нельзя отрицать, что в случае с Японией ее географическое положение оказало критически важное влияние на формирование ее внешнеполитического менталитета и национальной идентичности»³⁶.

При ответе на вопрос о причинах особой значимости, которую для понимания процессов развития и модернизации Японии представляет феномен *gaijacy*, необходимо учитывать тот факт, что существует множество примеров, когда в схожих историко-политических условиях других стран реализовывался курс, практически аналогичный японскому. Однако при рассмотрении феномена *gaijacy* вместе с системой установок политической культуры нации, становится ясно, что в случае Японии внешнее давление имеет все же более весомое (по сравнению с другими странами) значение, продиктованное практически полным отсутствием у нее внутренних ресурсов для проведения системных реформ и изменений.

³² Подробнее см., например: Латышев И. А. Лицо и изнанка «экономического чуда» Японии. М.: Наука, 1970.

³³ Чугров С. В. Япония в поисках..., 2010, с. 19.

³⁴ Reimann K. D. Building Global Civil Society from the Outside in? Japanese International Development NGOs, the State, and International Norms // Frank J. Schwartz, Susan J. Pharr, eds., The State of Civil Society in Japan. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, p. 304.

³⁵ Мещеряков А. Н. Внешний фактор..., 1996, с. 22.

³⁶ Чугров С. В. Япония в поисках..., 2010, с. 26.